

Н.Н. Трошина

РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОПОР ДИСКУРСА В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА)

Концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА является ключевым концептом дискурса Стены, в рамках которого формировалось восприятие восточными и западными немцами друг друга в период объединения Германии в конце XX в. Этот дискурс способствовал появлению «стены в головах», определившей социальную перцепцию анализируемого концепта.

Ключевые слова: концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА; дискурс Берлинской стены; дискурсивные практики; социальная перцепция; лингвистический дискурс.

The concept BERLIN WALL is the key concept of the Wall discourse within which mutual perception was forming by the Eastern and Western Germans at the end of the XXth century. This concept stimulated the appearance of the «Wall in the heads» that defined the social perception of the concept that is being studied.

Keywords: concept BERLIN WALL; Berlin Wall discourse; discourse practices; social perception; linguistic discourse.

Выбор концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА как дискурсообразующего феномена обусловлен тем, что совсем недавно – 9 ноября 2014 г. – широко отмечалась 25-я годовщина исключительно важного события в современной истории Германии – падения Берлинской стены, построенной 13 августа 1961 г. Дата 9 ноября буквально врезалась в память немецкого народа как судьбоносная (*Schicksalstag*), поскольку именно этот день отмечен важными событиями в жизни страны: 9 ноября 1918 г. произошли отречение

от престола кайзера Вильгельм II и революция в Германии, в 1923 г. – нацистский путч, в 1938 г. – ночь еврейских погромов («хрустальная ночь»), в 1989 г. – падение Берлинской стены и открытие внутригерманской границы.

Термин «перцепция» используется в статье как синоним термина «восприятие» в широком значении этого слова – как познавательный процесс, формирующий *языковое и коммуникативное сознание*. И.А. Стернин предлагает различать эти два ментальных феномена, определяя *языковое сознание* как «совокупность психических механизмов, обеспечивающих процесс речевой деятельности человека» [Стернин, 2003, с. 264]. *Коммуникативное сознание* – это «совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации» [Стернин, 2003, с. 265].

Коммуникативное сознание вербализуется в дискурсе как совокупность речевых практик данного общества в данном историческом контексте. Как показал М. Фуко в своей широко известной лекции «Порядок дискурса» [Foucault, 2000]¹, дискурс всегда выстраивается в соответствии с социально-политическим порядком в данном обществе и контролируется с помощью особых процедур, особенно в тех областях дискурса, где представлены интересы власти. Это невозможно без участия процессов интерпретации как внеязыковой реальности (физических объектов), так и важнейших концептов, существующих в определенном социокультурном контексте. Эти концепты воспринимаются, вызывая различные эмоциональные реакции и ассоциации, а также определяя дискурсивные практики. Таким образом, объектом перцепции в широком смысле слова могут быть и концепты.

Интерпретация концептов формируется в процессе *социальной перцепции* (т.е. процессе восприятия социальных объектов в социальном контексте) и зависит от эмоций, мнений, установок, пристрастий и предубеждений, в том числе и формируемых по-

---

¹ Первое издание этой лекции вышло в Париже в 1972 г. В ответ на эту лекцию австрийский лингвист Рут Водак опубликовала монографию «БЕСпорядки ДИСкурса» [Wodak, 1996].

рядком дискурса. Для раскрытия темы настоящей статьи важно восприятие восточными и западными немцами друг друга.

Сегодня феномен социальной перцепции представляет большой интерес для двух сфер коммуникации: 1) для СМИ, так как социальная перцепция направляется и формируется с помощью средств массовой коммуникации и отражается в дискурсе СМИ; 2) для сферы научно-гуманитарных исследований, результаты которых не только имеют научную ценность, но и нередко используются как убедительная доказательная база при проведении политических кампаний. Соответственно, эти два вида дискурса оказывают сильнейшее влияние на то, что в социальной психологии называется перцептивной стороной общения, т.е. на процесс формирования контакта и взаимопонимания (или взаимного непонимания) между сторонами общения.

Для немецкоязычной коммуникации – прежде всего для коммуникации в объединенной Германии – основным стал дискурс Берлинской стены и, соответственно, опорный концепт этого дискурса – **БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА**. Об этом свидетельствуют интересные данные, которые приводятся в книге У. Фикс и Д. Барт «Языковые биографии: Язык и речевая практика до и после перемен 1989 года в воспоминаниях жителей бывшей ГДР. Содержание и анализ нарративно-дискурсивных интервью» [Fix, Barth, 2000].

Вербально концепт **БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА** представлен целым рядом ключевых слов – производных от Mauer лат. Murus «защитная городская / крепостная стена»: Mauerbau «сооружение Стены», Mauerbefindlichkeit «ощущение присутствия Стены», Mauerflüchtling = Mauerläufer « тот, кому удалось сбежать из-за Стены », Mauerschütze «снайпер на Стене», Mauerfall «падение Стены», Mauerprozess «судебный процесс над ответственными за сооружение Стены», Mauerspecht – «дятел» (« тот, кто долбит Стену, откалывая от нее кусочки для продажи в качестве сувениров » – Mauersteine). Обычно эти Mauersteine прикреплялись к сохранившимся со времен ГДР открытым с видом Бранденбургских ворот на фоне Берлинской стены.

После падения стены появились также выражения: äußere Mauer «внешняя (реально существовавшая) Стена»; innere Mauer = Mauer in den Köpfen «внутренняя стена, стена в головах».

Следует отметить, что до падения Берлинской стены слово *Mauer* и производные от него использовались в официальном за-

падногерманском политическом дискурсе. В официальном дискурсе ГДР стена называлась *antifaschistischer Schutzwall* «антифашистский оборонительный вал». Таким образом, обвинения в нацистском прошлом предъявлялись только западной части Германии.

В речи восточных немцев слово *Mauer*, конечно, использовалось, но в неофициальном дискурсе, причем в Берлине с ним конкурировало слово *Grenze* («граница»): на вопрос, заданный случайному прохожему, как пройти, например, на Ляйпцигерштрассе (там находился центральный Институт языкоznания Берлинской академии наук), чаще всего можно было услышать пояснение *Das ist Richtung Grenze* «Это по направлению к границе» (но не *Richtung Mauer*).

Постепенно сформировался дискурс Стены (*Mauerdiskurs*) и одновременно воздвигались «дискурсивные стены» (*Diskursmauern*), присутствие которых ощущалось как в плане ментальных различий между восточными и западными немцами, так и в плане различий в их речевом поведении ([Roth, 2008, р. XIII]; см. также: [Reiher, 1996; Reséndiz, 1992; Schlosser, 1992]). Оба процесса были тесно связаны друг с другом: если в первом случае интерпретировался с разных позиций сам концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА, то во втором речь шла о воздействии на сознание людей и о формировании различного менталитета людей по обе стороны стены, что уже определяет социальную перцепцию концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА.

Естественно, что немецкие лингвисты первыми поставили вопрос о том, как вербализуется эта СТЕНА, приводит ли это к появлению «стены в языке» (*Sprachmauer*, *sprachliche Mauer*) [Kramer, 1996] и, соответственно, к затруднениям в речевой коммуникации, обусловленным различиями в социализации людей по обе стороны стены: «Любой язык находится под воздействием опыта и условий жизни его носителей. А они значительно различались в разделенной Германии... Одно государство может заключить с другим договор об объединении, но ‘присоединиться’ к другому языку и к другой языковой практике невозможно», – пишет Р. Хопфер [Hopfer, 1996, р. 94]. Эти различия были настолько ощутимы, что предлагалось создать социолингвистическую немецко-немецкую энциклопедию «Вессианский немецкий для осси», в которой восточным немцам (осси) разъяснялись бы особен-

ности использования немецкого языка западными немцами (весси). Однако этот проект так и не был реализован.

Следует отметить, что вопрос о векторе языкового развития в двух немецких государствах, о формировании двух вариантов собственно немецкого языка (*Binnendeutsch*) поднимался и раньше, и это оказывало непосредственное влияние на лексикографическую практику, в частности на подготовку и выпуск нового Словаря немецкого языка [*Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*, 1961–1977] под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штайница – словаря, который планировался как общенемецкий нормативный. Первые три тома были выпущены в соответствии с этой концепцией. Однако в 1969 г. под влиянием принятой политическим руководством ГДР концепции существования двух немецких государств (*Zwei-Staaten-Theorie*) составителям этого словаря надлежалонести свой вклад в дистанционирование от другого немецкого государства. Авторскому коллективу было предписано «представить лексический фонд немецкого языка на базе марксистско-ленинского мировоззрения» [Herberg, Ludwig, 2013, p. 375]. Соответствующие дополнения и уточнения были внесены в словарные статьи, начиная с четвертого тома (с буквы М). Были подготовлены новые версии первых трех томов, так, было изменено толкование слова *Kosmopolitismus* «космополитизм»:

Космополитизм: буржуазная концепция, согласно которой человек принадлежит всему человечеству, а не какой-либо нации, обладающей государственной самостоятельностью и правом на самоопределение и независимость (1969).

Космополитизм: буржуазная идеология, согласно которой все люди являются гражданами мира; изначально выступала против духовных оков в мелких феодальных государствах; сегодня используется империалистической буржуазией для затушевывания ее националистических захватнических устремлений, а также для разрушения национального сознания и культуры других наций (1973).

В ГДР и в ФРГ концепт СТЕНА предписывалось воспринимать совершенно различно: в ГДР как «антифашистский оборонительный вал» (*antifaschistischer Schutzwall*), в ФРГ – как «стену позора» (*Schandmauer*), «стену плача» (*Klagemauer*). Попытки проявить большую объективность в исследованиях пресекались.

Концепт СТЕНА и тесно связанный с ним концепт ЯЗЫКОВОЕ ЕДИНСТВО нации разрабатывались лингвистами по обе стороны

Берлинской стены, в результате чего возник уже собственно лингвистический дискурс Стены. Под этим дискурсом в статье понимается корпус устных и письменных текстов в научной лингвистической коммуникации, концептуальной опорой которых, их смысловой доминантой, реализуемой в ключевых словах этого дискурса [Новиков, 2007, с. 175], являлся концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА. Лингвистический дискурс Стены, с одной стороны, определялся текущей политической ситуацией и изменениями в ней, а с другой – использовался для научного обоснования «внутригерманского межкультурного дискурса», обеспечивавшего нужную для каждой стороны интерпретацию злободневного концепта.

Немецкий лингвистический дискурс Стены прошел три этапа в своем развитии, и каждый из них соответствовал задаваемому свыше направлению социальной перцепции концепта СТЕНА [Shethar, Hartung, 1998].

1. В 50–60-е годы, т.е. до возведения Берлинской стены (т.е. до 13 августа 1961 г.) и в первые годы ее существования, единство немецкого языка не обсуждалось лингвистами ГДР. Лексические и некоторые стилистические различия в речевой практике считались временными явлениями. Язык воспринимался как прочная основа единства нации. Однако западногерманские лингвисты уже тогда заговорили о языковом разделении Германии, обусловленном политикой ГДР.

2. В начале 70-х годов стороны поменялись местами, так как ситуация в ГДР стабилизировалась, и политическое руководство стало подчеркивать самостоятельный путь развития страны. Соответственно, стала пропагандироваться иная картина мира: немцы в ГДР – самостоятельная социалистическая немецкая нация, у нее свой немецкий язык. В связи с этим обострился вопрос о количестве национальных вариантов немецкого языка. Сколько их? Три, т.е. собственно немецкий (*Binnendeutsch*), австрийский и швейцарский? Или все же четыре – два немецких (в ГДР и в ФРГ), австрийский и швейцарский?

В Западной Германии экономическое и политическое укрепление ГДР не приветствовалось, и западные лингвисты вынуждены были обосновать концепцию, важную для этого этапа внутригерманских отношений, – концепцию языка как средства, объединяющего нацию.

3. В конце 80-х годов экономическая ситуация в ГДР осложнилась, в связи с чем руководители ГДР проявили большую готовность к диалогу с Западом и вспомнили о языковом единстве нации. Значимость концепта ЕДИНЫЙ ЯЗЫК в гэдээроловской картине мира выросла, значимость концепта СТЕНА, соответственно, упала.

В результате немецкая германистика пережила «двойной переворот» (*doppelte Wende*): в 70-х и в 80-х годах XX в.

«Стена в голове» – это именно дискурсивная стена, основанная на взаимосвязанных концептах, зафиксированных в языковых стереотипах и определяющих социальную перцепцию. Осенью 1993 г. в университетах в западной и восточной частях Германии был проведен опрос на тему «Развитие языковой ситуации в Германии» (*Sprachentwicklung in Deutschland*) [Reiher, 1996]. Были зафиксированы языковые стереотипы, характеризующие именно социально-групповое восприятие ситуации. Так, информанты из западных областей Германии (из так называемых «старых федеральных земель») отмечали, что восточным немцам свойственна *Bunkermentalität* – «ментальность людей, окопавшихся в укрытии», что они *TrabbiFahrer* (ездят на плохоньких машинах марки «Трабант»). «Новые федеральные земли» часто называли *Busch*, т.е. дикой территорией, и западные специалисты, которые переехали туда на работу, получали надбавки к зарплате за работу в экстремальных условиях – *Buschzulage*.

Дискурсивная стена поддерживалась такими неологизмами в западногерманских СМИ, как: *Jammerossi* «нытик осси», *frustrierter Ossi* «забитый осси», *Jammertal Ost* «Восток – жалкий край».

Импликация, присутствующая в концепте НОВЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ЗЕМЛИ, ставшем политическим термином, отделяет население Восточной Германии от их сограждан на западе страны.

В свою очередь, восточные немцы называли своих новых сограждан на западе страны *Besserwessi* «заносчивый западный все-знаток», отмечая их самоуверенность и выраженную склонность к бахвальству (*kleiner Gernegroß*). Это отношение зафиксировано во многих интервью, опубликованных в книге «Языковые биографии» (*Sprachbiographien* 2000).

Как же концепт Берлинской стены воспринимается сегодня, 25 лет после ее падения? В связи с этим юбилеем газета «*Thüringische Landeszeitung*» опубликовала результаты опроса, проведенного

эрфуртским Институтом маркетинговых и социальных исследований «Insa-Consulere». Оказалось, что каждый шестой немец выступает за возвращение Берлинской стены, из-за которой было столько споров до и после объединения Германии. Сегодня широко распространено мнение «*Nein, die Mauer wieder her, dann hat jeder seine Ruhe!*» «Вернуть Стену! Тогда, наконец, все успокоятся!». Вернуть Стену призывают не только отдельные (хотя и многочисленные) граждане на востоке и на западе страны, но и целые политические структуры, например «Партия пиратов Германии» и партия «Альтернатива для Германии». Говорят уже не только о «стене в головах», но даже и о «баррикадах в головах». Импликация,ложенная в эту когнитивную метафору, понятна: «Мы готовы к борьбе». Социологи видят причину такого поворота в восприятии концепта СТЕНА прежде всего в разочаровании и восточных, и западных немцев в ситуации, которая сложилась после объединения Германии, в трудностях социальной и культурной адаптации друг к другу. Многие уже видят в Стене защиту от этих проблем, т.е. концепт СТЕНА приобретает для многих положительную коннотацию.

Так или иначе, но концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА в меньшальном словаре немцев оказался гораздо более устойчивым, чем сама Стена, и, продолжая быть опорой разделяющего дискурса, работает на разнонаправленность социальной перцепции.

Список литературы

1. Стернин И.А. Языковое, коммуникативное и когнитивное сознание: Проблема разграничения // Языковое сознание: Устоявшееся и спорное: XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2003. – С. 264–265.
2. Новиков А.И. Смысл: Семь диахотомических признаков // Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – С. 162–175.
3. Fix U., Barth D. Sprachbiographien: Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR: Inhalte und Analysen narrativ-diskursiver Interviews / (Unter Mitarb. von Beyer F.). – Frankfurt a.M., 2000. – 719 S.
4. Foucault M. Die Ordnung des Diskurses / Mit einem Essay von Ralf Konersmann / Aus dem Französ. von Walter Seitter. – 7. Aufl. – Frankfurt a.M., 2000. – 93 S.

5. *Herberg D., Ludwig K.-D.* Germanistische Lexikographie in der DDR: Ergebnisse, Wirkungen, Probleme am Beispiel des «Wörterbuches der deutschen Gegenwartssprache» // Positionen der Germanistik in der DDR: Personen – Forschungsfelder – Organisationsformen. – B.; Boston, 2013. – S. 363–386.
6. *Hopfer R.* Wessianisch für Ossis: Vorschläge für eine soziolinguistische deutsch-deutsche Enzyklopädie // Von «Buschzulage» und «Ossinachweis»: Ost-West-Deutsch in der Diskussion. – B., 1996. – S. 94–109.
7. *Kramer U.* Von Ossi-Nachweisen und Buschzulagen: Nachwendewörter – sprachliche Ausrutscher oder bewusste Etikettierung? // Von «Buschzulage» und «Ossinachweis»: Ost-West-Deutsch in der Diskussion. – B., 1996. – S. 55–69.
8. *Reiher R.* Ein Ossi – ein Wort; ein Wessi – ein Wörterbuch: Zur Bewertung von Sprache und Sprachverhalten der Deutschen Ost und West // Von «Buschzulage» und «Ossinachweis»: Ost-West-Deutsch in der Diskussion. – B., 1996. – S. 32–54.
9. *Rezéndiz J.L.* Woran erkennen sich Ost- und Westdeutsche? Eine Spracheinstellungsstudie am Beispiel von Rundfunksendungen // Germ. Linguistik. – Hildesheim etc., 1992. – H. 110 / 111: Die deutsche Sprache nach der Wende. – S. 127–140.
10. *Schlosser H.D.* Mentale und sprachliche Interferenzen beim Übergang der DDR von der Zentralplanwirtschaft zur Marktwirtschaft // Germ. Linguistik. – Hildesheim etc., 1992. – H. 110 / 111: Die deutsche Sprache nach der Wende. – S. 43–58.
11. *Shethar A., Hartung W.* Was ist «Ostjammer» wirklich? Diskursideologie und die Konstruktion deutsch-deutscher Interkulturalität // Sprache als Mittel von Identifikation und Distanzierung. – Frankfurt a.M., 1998. – S. 39–66.
12. *Roth K.S.* Diskursmauern – zur Einführung // Diskursmauern: Aktuelle Aspekte der sprachlichen Verhältnisse zwischen Ost u. West. – Bremen, 2008. – S. XI–XVII.
13. *Wodak R.* DISordeRS of DIScourse. – N.Y., 1996. – 200 p.
14. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. Klappennbach R., Steinitz W. – B., 1961–1977. – Bd 1 / 6.